

С трудом верится, что Эйфелева башня
была принята парижанами в штыки

С ВЕРКОЙ СЕРДЮЧКОЙ ПО ЕЛИСЕЙСКИМ ПОЛЯМ

КОГДА Я СЛУШАЛА диско-хит «Вояж», переделанный Сергеем Миниевым, все пытались понять слова: «Несет меня мистраль в дальнюю даль».

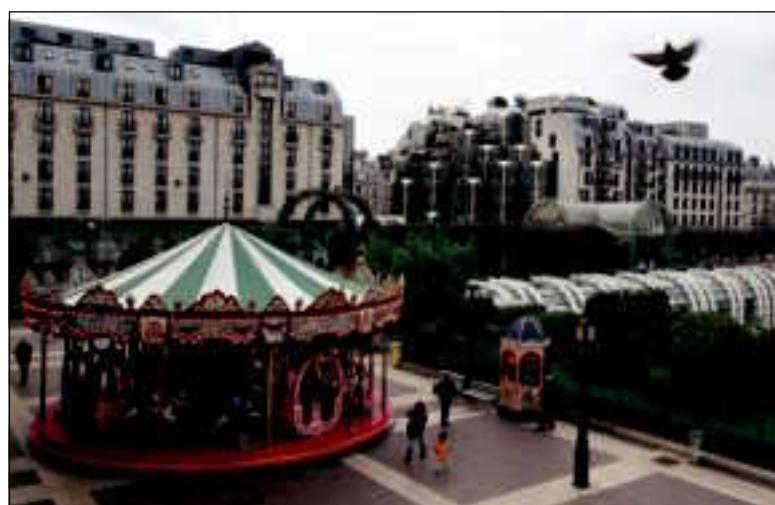
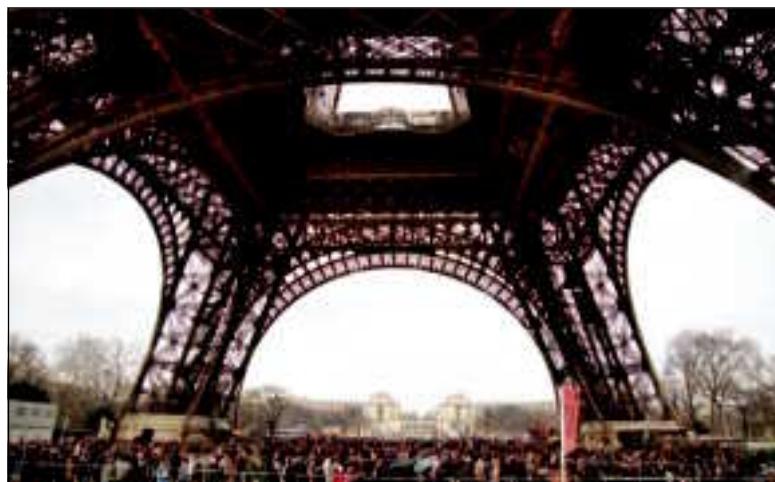
Через много лет стоило посетить Францию, чтобы понять, что к чему. Мистраль – это ветер, дующий в феврале с Альп и несущий во Францию тревоги и волнения – медики говорят, что именно мистраль увеличивает число депрессий и самоубийств.

Францию называют «страной, где правит разнообразие»: уж слишком много там провинций с самобытным говором, традициями, костюмами и кухней. Однако это все же единая нация. Объединяет ее, прежде всего, чувство собственного превосходства над остальными – современные французы до сих пор кичатся тем, что их предки заложили основу европейской цивилизации. Больше всего французы не любят англичан – это древняя вражда. Они игнорируют английский язык: одна моя знакомая, преподаватель английского, смело ездит за границу. Однако в захолустной французской кофейне ее отказались обслужить только за то, что она осмелилась обратиться к официантке на английском. Конечно, ее не выгнали с позором – просто минут сорок игнорировали, и она сама покинула заведение. Впрочем, говоря по чести, французы игнорируют все языки: не знаете французского – это ваши проблемы. Поэтому даже в Лувре надписи над шедеврами – исключительно на французском.

Это был первый музей, с которым мы ознакомились. Но сначала нас привезли в парфюмерный магазин. Цены смущали: 50-миллилитровый флакончик туалетной воды стоит в среднем 60 евро. Зато это не польский разлив, а французский – к тому же, в таких магазинах туристам выдают так называемый «такс-фри» – справку, по предъявлении которой на границе вам вернут какой-то налог – от семи до 14 процентов.

Казалось бы, покупай! Но мы научены горьким опытом Турции и Египта, где гиды возят туристов в «свои» магазины, отстегивающие им проценты. Поэтому тупо бродили, вдыхали ароматы и переводили цены в рубли – еще одна ошибка: если это делать, то все в стране покажется жутко дорогим. К примеру, обед в кафе самообслуживания – 15 евро: большой кусок жареного мяса, картофель-фри с овощами и напиток – 500 рублей. Дорого – в рублях. А в евро – нет. Но вернемся к духам: нет в Европе наживы гидов. Потому что, приедя на следующий день в другой магазин, мы увидели те же духи на несколько евро дороже, к тому же, без услуги «такс-фри».

Итак, Лувр – роскошный и огромный. Говорят, чтобы посмотреть на каждое произведение хотя бы полминуты, здесь нужно провести три месяца – без перерывов на еду и сон. Нам на все про все дали два часа. Поэтому мы пошли по пути наименьшего сопротивления, а именно кинулись искать три наиболее известных экспоната: Нику Самофракийскую, Венеру Милосскую и «Джоконду» да Винчи. По пути боковым зренiem отмечали великие имена на табличках: Рафаэль, Рембрандт, Рубенс, Гойя, Делакруа... Навстречу – тысячи людей, они также стремительно бегут куда-то. Обидно, черт

возми: никто ничего не видит, но каждый потом с гордостью скажет: «Я был в Лувре».

Вот что-то есть в этой «Моне Лизе» – какая-то энергетика от нее исходит, это точно. А может, она исходила из толпы, собравшейся вокруг. Картина очень небольшая – чуть ли не альбомный лист. Перед ней пятаков «мертвой зоны» – метров семь, на него никого не пускают. Вру – пускают детей, которые, хоть пока ничего не

ушники, аудиогид на любом языке рассказывает о памятниках, мимо которых вы проплываете. Замок Консьержери – французский король когда-то подарил его своему консьержу, а сам переехал в новый дворец. Консьерж – в то время второй человек в государстве – вел там свои дела. Потом это была тюрьма, ее называли прихожей гильотины. Именно там, а не в Бастилии последние дни провела Мария-Антуанетта с сыном. Сейчас Консьержери – часть Дворца правосудия.

Самый красивый мост Парижа – мост Александра III, в его закладке принимал участие Николай II, он и попросил назвать мост в честь своего отца. Совет: ехать на экскурсию по Сене лучше вечером. Темнеет в Европе рано и резко – будто свет выключают. И в момент, когда Париж зажигает огни, все становится непревзойденным красавицей. А когда в конце путешествия перед вами во весь рост встает горящая Эйфелева башня, вы испытываете счастье – первые десять минут каждого часа она, к тому же, играет огнями, словно новогодняя елка.

С трудом верится, что Эйфелева башня была принята парижанами в штыки. А уж что началось, когда после Всемирной выставки 1889-го, к которой ее и построили, башню решили оставить! Самые передовые люди города требовали убрать «этот чудовище, уродующее лицо Парижа». Пресса делала ставки, когда рухнет эта груда металла, а квартиры в ее районе продавали за бесценок. А бедный Эйфель, влюбившийся в свое творение, придумывал новые предназначения для нее: устроил там свою лабораторию, еще что-то... Спасло башню радио – Эдисон предложил водрузить антенну на ее вершине. Сегодня Эйфелева башня – символ даже не Парижа и Франции – всей Европы. А недвижимость в ее районе считается элитной.

Весит эта машина всего девять тысяч тонн – точнее, весила, когда ее построили. Сегодня она «похудела» на две тысячи тонн, ведь выходящие из строя элементы заменяют легкосплавными материалами. Давление башни на почву – не больше, чем давление человека, сидящего на стуле. А воздух внутри башни весит больше, чем она сама, – это факт. Лифт – не современное изобретение, его пустили через месяц после открытия башни. Для просмотра открыты три этажа, за подъем на каждый нужно платить: чем выше – тем дороже. Можно схитрить: заплатить сразу за третий этаж, а потом, спускаясь, бесплатно останавливаться на остальных. Очередь перед башней – это даже не Мавзолей в советские времена. Две кассы, от каждой на сотни метров тянется гигантской змеей очередь. Но вид сверху... Я не буду его описывать, это надо видеть.

Воистину, Париж – самый красивый город мира. Архитекторы называют его сбывшейся мечтой идеального города: он выстроен по всем законам перспективы – точнее, перестроен. Ведь когда-то Париж был неудобным, его отличали узкие улицы и зловоние. Перестройку начал граф Осман. Он расширил улицы, а главное, наметил грамотные перспективы, каждая из которых обязательно упиралась в памятник. Париж стал настолько гармоничным, что горожане стали резко критиковать любое вмешательство. К примеру, для строи-

тельства делового центра «Дефанс» решили снести несколько улиц в историческом центре. Парижане вышли на забастовку – и «Дефанс» появился в пригороде. Хотя пригороды Парижа – это, по сути, и есть Париж – там даже метро ходит. Современная триумфальная арка, открывающая «Дефанс», – это еще и офис: прямо в ней работают министерства. Неповторимая архитектура, стеклянные фасады, огромные небоскребы, вывески транснациональных компаний – это уже совсем другой Париж, но не менее красивый.

Новый год мы встречали на Елисейских полях. Торжество началось праздничным ужином в ресторанчике – его мы оплатили при покупке путевки. Оказывается, французы не пьют чистое шампанское – в бокал они сначала наливают несколько капель сладкого концентрата, а уже в него – игристое. Праздник отмечали по всем часовым поясам – магнитогорскую полночь встретили, когда в Париже было восемь вечера. А потом в автобусе под «Новогоднюю» Верки Сердючки на всю громкость медленно ехали по Елисейским полям. Эта улица когда-то была живой. Но постепенно жильцов вытесняли рестораны, казино, магазинчики, супермаркеты – в итоге сегодня здесь вы можете купить все – от булавки до автомобиля. И проиграть его тут же – в самом престижном казино. А живут здесь всего 15 семей. И все. По дороге встретили кучу бомжей – как и русские, они когда-то пропили свои квартиры. Кстати, развенчиваю миф о русском пьянстве: Франция по этому показателю стоит на третьем месте в мире. А мы – на девятом. Но бомжи тут не идут ни в какое сравнение с нашими: чистые, хорошо одетые, рядом – бутылочки шампанского...

Неприятный момент: Париж – город черных, сюда рвутся эмигранты всех французских колоний, и Париж имеет славу одного из самых криминальных городов мира. Дожились: гиды официально предупреждают, чтобы в гостинице мы не оставляли документы и деньги, потому что работают в трехзвездочных отелях, в основном, эмигранты, нечистые на руку.

Но вернемся к Новому году. Чем ближе к Триумфальной арке, венчающей Елисейские поля, тем плотнее толпа, больше черных лиц. За несколько минут до полуночи становятся невыносимо тесно – нас в буквальном смысле сжимает. И в этот момент ты чувствуешь, как по тебе шарят чьи-то руки – лезут в карманы, пытаются расстегнуть сумочку... Не покидает чувство нереальности происходящего – в центре-то Парижа. Но вот полночь, хлопки шампанского, две хлопушки и нитки серпантин в небо – и все. Так же неожиданно толпа рассосалась, будто ее создали специально – прошвырнувшись по карманам. Мы были очень удивлены, увидев на другой день съемки CNN: белые лица, улыбки, шампанское... Хотя, может, нам просто не повезло, и мы оказались не в том месте не в то время. И еще: Новый год для европейцев – почти не праздник. Основное торжество – рождественское. Первого января с улиц уже увозили елки, а второго числа вся Европа вышла на работу.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.
Фото ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА.
Париж–Магнитогорск.